

Отповедь от 8. 2. 2016 г. фотокорру И.А. Ципину на рассказ «Память»

Природа, дорогой Илья Александрович, столь часто «отдыхает» на детях великих людей, что говорить об обретении бессмертия индивида, как такового в его потомстве, право же, нелепо. Деторождение существует для продолжения рода и устойчивости социума, нации в их целокупности — но причём же здесь личное бессмертие, о коем, пока мы находимся на этом свете, ничего из опыта не известно?! Частное лицо, как таковое, живёт, по моему разумению, для упоения малыми и большими победами, как своими собственными, так и коллективными, родовыми, то есть радостью от успешного преодоления трудностей. Когда же сил на преодоление больше не остаётся, — тогда остаётся при мне довольно-таки весомое утешение, что такое моё состояние закончится сравнительно скоро. Есть субъект переживания — есть проблема, нет субъекта переживания — нет проблемы. Ибо что ещё могу я знать вполне достоверно, если это не дано а priori или, как говорится, не бросается в глаза, о том, что было до моего появления на свет и о том, что будет после того, как я покину его?

— Ничего. Ибо из того, что бросается в глаза и из а priori данного можно собрать много одинаково правдоподобных картин-пазлов, при полной невозможности узнать, какая из них отражает истинное состояние дел.

И не оттого ли мы представляем себе Бога да и мир им созданный зачастую тоже, безграничным в основных свойствах, что сами не можем создать ничего путёвого, лишённого каких-нибудь побочных губительных эффектов для него самого или для нас, его создателей — представляем, даже прекрасно отдавая себе отчёт в полнейшей недоказуемости существования чего-либо безграничного для ограниченного, в силу их принципиальной несоизмеримости?

— Представляем и, будучи последовательными в требовании доброго к себе отношения, не можем не представлять. Поскольку лишь безграничный в основных свойствах может оставаться всегда всеблагим в отношении ограниченного. Ибо какой бы объём зла не был бы содеян с его дозволения в отношении ограниченного, объём добра, находящийся за пределом ограниченного, всегда будет превышать это зло. Надо только допустить возможность бесконечности во времени пострадавшего сейчас, чтобы он мог добраться до доброй стороны безграничного. Ну не самого пострадавшего, так хоть его сородичей... Так появилась гипотеза бессмертия души.

Но если судьба, как совокупность действий мира на нас, ограниченных, всегда, при любом раскладе, есть некое благо, так как упражняет нашу волю в терпении временных невзгод, то мы в праве свалить все наши промахи («αμαρτεῖ» — по-

гречески «грехи») на её превратности, решительно никого при этом не оскорбив. Любимым присловием сыктывкарского хапуги Вячеслава Гайзера была, как известно, фраза «так уж сложилось». Я-де воровал, ибо воровало всё моё окружение, а я — закономерный плод его.

Следовательно, воля к безответственности уже имманентно встроена в любую строгую теодицею.

Но и не требовать доброго отношения к собственной особе — с чего именно начинается теодицея! — мы тоже не можем, поскольку против этого восстаёт, в лице инстинкта самосохранения, жизнь, сущая в нас. С другой стороны, разум не может не апеллировать к безграничному, поскольку разум, в отличии от жизни собственно, нуждается не только в достижимом, но и в недостижимом тоже. Ведь свобода от наличных условий это — недостижимый Грааль той самой необходимости выбирать, орудием которой служит разум. Не видя в дали перед собою этого Грааля, разум складывает крылья свои и не употребляя их более, постепенно атрофируется до простого, чисто животного рассудка, утрачивая со временем большую часть человеческих навыков, а с ними и сам человеческий облик.

Так что же я могу достоверно знать о божественном, кроме бросающегося в глаза факта: жизнь во мне требует доброго отношения к моей особе?

— Ничего, равным счётом ничего.

Всё вышеизложенное мудрец Омар Хайям метафорически сформулировал в таком виде:

«В колыбели — младенец, покойник — в гробу:

Вот и всё, что известно про нашу судьбу.

Выпей чашу до дна — и не спрашивай много:

Господин не откроет секрета рабу».

С глубоким уважением и симпатией, искренне Ваш, Марат Зуф. Салиховъ.